

и жадным вниманием к окружающему миру — к географии, мифологии, обычаям других стран и народов и т. д. Но в отличие от Ефросина Афанасий Никитин мог познакомиться со сказочной Индией не по легендам «Александрии» и «Сказания об Индийском царстве», а на своем собственном опыте. Опыт этот был по временам очень горек, но знакомство с различными вероисповедными обычаями, приобретенное Никитиным в путешествиях, оказало определенное влияние на его мировоззрение: у Никитина появилась, например, мысль о равноценности различных монотеистических религий, которая, несомненно, противоречила религиозным воззрениям, господствовавшим на его родине.²⁴³

Какое место занимало светское направление в русской общественной мысли второй половины XV в., в идеологической борьбе этого периода? Несомненно, что еретическое движение конца XV в. было тесно связано со светским направлением и выросло из него: как и Ефросин, еретики интересовались науками (историей, языкознанием, астрономией), использовали фрагменты античной (Менандр) и нехристианской литературы («Шестокрыл», «Логика» Маймонида — Аль-Газали). Но ересь была лишь крайней, наиболее радикальной формой светского направления. В какой-то мере научными и литературными интересами того времени были затронуты и враги ереси — деятели новгородского Геннадиевского кружка или Волоколамского монастыря, где было переписано, например, «Сказание об Индийском царстве». Как и Ефросин, сподвижники Иосифа Волоцкого интересовались пасхально-астрономическими статьями и эсхатологической литературой. С другой стороны, и сам Ефросин, как мы уже отмечали, был не чужд некоторого интереса к церковно-полюемическим вопросам²⁴⁴ и переписывал, например, противоиудейские сочинения. Использование Ефросином некоторых мистических сочинений исихастов²⁴⁵ сближало его и с другим направлением конца XV в., остававшимся в рамках церковной ортодоксии, — направлением Нила Сорского.

Но сходясь с Ефросином в интересе к отдельным литературным памятникам, последователи Иосифа Волоцкого и Нила Сорского расходились с ним в главном. Все они отрицали в принципе занятие «неполезными повестями» и светскими науками, не связанными с богословием. В этом отношении чрезвычайно характерно известное замечание Нила Сорского в послании его сподвижнику Гурию Тушину: «Писания бо многа, но не вся божественна суть». В другом месте нам уже приходилось доказывать, что слова эти, традиционно понимаемые в историографии как протест против некритического использования иосифлянами «святоотеческой» и апокрифической литературы, никакого отношения к Иосифу Волоцкому и иосифлянам не имеют: послание написано в конце 70—начале 80-х годов XV в., когда не только не было никакого особого иосифлянского направления, но даже сам монастырь Иосифа только начал создаваться.²⁴⁶ Предостерегая против чтения не-«божественных» писаний, Нил стремился уберечь Гурия от опасности «заблудити от истиннаго пути». Какую литературу имел в виду Нил? Крайняя опасность «заблуждения» — это, конечно, ересь, но путь к ней вел через чтение не-«божественной» литера-

²⁴³ Ср. подробнее нашу статью «Афанасий Никитин и некоторые вопросы русской общественной мысли XV в.» в кн.: Хождение за три моря Афанасия Никитина, изд. 2. Изд. АН СССР, М.—Л., 1958 (серия «Литературные памятники»), стр. 136—138.

²⁴⁴ Ср. также статью о различных ересьях (древних): КБ-11, лл. 355 об—357.

²⁴⁵ «Что есть образ иноческого жительства» Григория Синаита (КБ-22, лл. 266 об.—267); «Святаго Нила о безстрастии души и тела» (КБ-22, л. 288/2).

²⁴⁶ Ср. нашу статью «К вопросу об идеологии Нила Сорского» (ТОДРЛ, т. XIII. М.—Л., 1957, стр. 204—205).